**А. Г. Степанов** [ab]
*ORCID: 0000-0001-5342-3945*
✉ *poetics@yandex.ru*
[a] *Тверской государственный университет (Россия, Тверь)*
[b] *Ланьчжоуский университет (Китай, Ланьчжоу)*

# Осторожно, парад! Стихотворение Олега Чухонцева «Репетиция парада»

***Аннотация***. Статья посвящена стихотворению Олега Чухонцева «Репетиция парада» (1968). Исследуется ритмическое построение текста, предлагается его интерпретация с параллельным историко-культурным комментарием. Стихотворение Чухонцева вызывает эмоционально-смысловые ассоциации с балладой В. А. Жуковского «Замок Смальгольм». С ней «Репетицию парада» роднит атмосфера мрачных предчувствий, дополненная мотивами ночного передвижения, военных жертв, памяти о злодеяниях, возмездия (Страшного суда). Рассматриваются интертекстуальный план стихотворения, представленный в основном отсылками к М. Ю. Лермонтову, а также аллюзии на военно-политические события с участием России (СССР): истребление поляков русскими войсками во время штурма 4 ноября 1794 г. Праги — предместья Варшавы на правом берегу Вислы; подавление польского восстания 1830–1831 гг.; ввод в ночь на 21 августа 1968 г. войск стран Варшавского договора в Чехословакию и подавление Пражской весны. В «Репетиции парада» автор дезавуировал то, что в сознании большинства советских людей считалось незыблемым, почти сакральным — торжественное прохождение войск с военной техникой по Красной площади, вдоль Кремлевской стены и мавзолея Ленина. В этом событии, увиденном ночью, Чухонцев разглядел приметы русского (советского) имперского сознания. Его главная доблесть — воинская, а основная цель — расширять территорию и сохранять ее величие любой ценой. Военный парад воспринимается поэтом как торжество массы над человеком, государства над личностью. Эту тревожную мысль на излете «оттепели» Чухонцев передал с большой художественной силой.

***Ключевые слова***: поэтика, стиховедение, ритм, анализ и интерпретация, исторический комментарий, Олег Чухонцев

***Для цитирования***: *Степанов А. Г.* Осторожно, парад! Стихотворение Олега Чухонцева «Репетиция парада» // Шаги / Steps. Т. 5. № 2. 2019. С. 136–148. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-2-136-148.

*Статья поступила в редакцию 3 декабря 2018 г.*
*Принято к печати 24 декабря 2018 г.*

© А. Г. СТЕПАНОВ

**A. G. Stepanov** [ab]
*ORCID: 0000-0001-5342-3945*
✉ *poetics@yandex.ru*
[a] *Tver State University (Russia, Tver)*
[b] *Lanzhou University (China, Lanzhou)*

# Watch out — the parade! Oleg Chukhontsev's poem "A Parade Rehearsal"

***Abstract***. This paper discusses Oleg Chukhontsev's poem "A Parade Rehearsal" (1968). The author analyzes the rhythmic structure of the text, and puts forward an interpretation of it alongside a historical and cultural commentary. The poem arouses emotional and conceptual associations with Vasily Zhukovsky's ballad "The Castle of Smalgholm". A common feature of both texts is an atmosphere of apprehension accompanied by motifs of nocturnal tactical movement, victims of war, memories of malefaction, retribution (Last Judgment). I consider the intertextual level of the poem, which is mainly represented by references to Mikhail Lermontov, as well as allusions to political and military events in which Russia (the USSR) participated: on November 4, 1794, the slaughter of Poles by Russian troops during their assault on Praga, a suburb of Warsaw on the Vistula's right bank; the suppression of the 1830–1831 Polish uprising; the invasion of Czechoslovakia by Warsaw Pact armies on the night of August 21, 1968 and the suppression of Prague Spring. In "A Parade Rehearsal" Chukhontsev undermined something considered by most Soviet people as unshakable, almost sacral: the solemn movement of troops with military hardware across Red Square, along the Kremlin Wall and past the Lenin Mausoleum. Watching this event at night, Chukhontsev suddenly recognizes distinctive marks of the Russian (Soviet) imperial consciousness. The principal valor of the latter is military, while its main objective is to expand its territory and preserve its grandeur whatever the cost. The poet perceives this military display as the dominance of the mass over the individual, the state over a person. Oleg Chukhontsev expressed this disquieting idea with great artistic power just before the end of "the Thaw".

***Keywords***: poetics, study of versification, rhythm, analysis and interpretation, historical commentary, Oleg Chukhontsev

***To cite this article***: Stepanov, A. G. (2019). Watch out — the parade! Oleg Chukhontsev's poem "A Parade Rehearsal". *Shagi / Steps, 5*(2), 136–148. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-2-136-148.

*Received December 3, 2018*
*Accepted December 24, 2018*

© A. G. STEPANOV

**Репетиция парада**

Над Кремлевской стеной сыпал снег слюдяной
и кремнисто мерцал на брусчатке.
По кремнистым торцам грохотали войска,
репетируя скорый парад.
Тягачи на катках и орудья в чехлах
проходили в походном порядке.
Я поодаль следил, как на траках катил
многотонный стальной агрегат:
он как ящер ступал, и ходила земля
от его гусеничного хода,
и казалось, народ только часа и ждет,
чтобы чохом отправиться в ад.

О, спектакль даровой, чьей еще головой
ты заплатишь за щедрость народа?
Что стратегам твоим европейский расчет
и лишенный раздолья размах,
если рвется с цепей на разгулье полей
азиатская наша свобода!
Кто играет тобой, современный разбой?
Неужели один только Страх?
Или местью веков и холуй и герой
перемелются в пушечном фарше?
Не на Страшный ли суд все идут и идут
тягачи и орудья в чехлах?

От сарматских времен на один полигон
громыхают колеса на марше.
Нет ни лиц, ни имен. Где друзья? Где враги?
С кем ты сам, соглядатай ночной?
Эка дьявольский труд — все идут и идут
и проходят все дальше и дальше.
Вот и рокот пропал в полуночный провал.
Тишина над Кремлевской стеной.
Тишина-то!.. Такая нашла тишина!..
Эхо слышно из Замоскворечья.
То ли сердце стучит, то ли ветер горчит,
то ли в воздухе пахнет войной.

Что ж, рассудит затвор затянувшийся спор?
Нет, что мне до чужого наречья!
Я люблю свою родину, но только так,
как безрукий слепой инвалид.
О родная страна, твоя слава темна!
Дай хоть слово сказать человечье.
Видит Бог, до сих пор твой имперский позор
у варшавских предместий смердит.

Что ж теперь? Неужели до пражских Градчан
довлачится хромая громада?
Что от бранных щедрот до потомства дойдет?
Неужели один только Стыд?

Ну да что о пустом! Разочтемся потом.
А пока от Охотного ряда
задувает метель, не сутулься впотьмах
и прохожих гуляк не смущай.
Век отбился от рук. — Что насупился, друг?
Все прекрасно, чего еще надо.
— Ничего, — говорю. Не спеша прикурю. —
Ничего. — До свиданья. — Прощай!
[Чухонцев 2005: 84–85]

Это стихотворение датировано 1968 г., но мнения о том, когда оно появилось, расходятся. С точки зрения И. Б. Роднянской, оно было написано за несколько месяцев до ввода советских войск в Чехословакию [Роднянская 1998: 11], И. С. Булкина считает, что раньше и изначально — как рефлексия на венгерские события 1956 г. [Булкина 2018: 141]. Ключевую роль в произведении играет образ «азиатской нашей свободы», которая «простирается через всю русскую историю» [Лейдерман 2006: 329], рождая «чувство ужаса перед российской государственностью» [Шубинский 2004]. Показательна реминисценция из М. Ю. Лермонтова, чью хрестоматийную строчку «Люблю отчизну я, но странною любовью!» («Родина») О. Г. Чухонцев превратил в мрачно-саркастическое признание: «Я люблю свою родину, но только так, / как безрукий слепой инвалид» [Скворцов 2015а: 313].

Цель статьи — предложить интерпретацию текста с параллельным историко-культурным комментарием, предварив их анализом его ритмической структуры.

Стихотворение написано строфическим сверхдлинным анапестом — семистопником; речевой отрезок именно такой длины заканчивается рифмой, задающей ритмическое ожидание. Две мужские цезуры (после 2-й и 4-й стоп) делят стиховой ряд на три сегмента, два из которых тождественны и маркированы (хотя и не всегда) внутренними рифмами. Третье «третьестишие» вынесено в подстрочие (иначе стих не поместился бы на странице) и смещено вправо. В результате такой графической композиции строфа получает вид двенадцатистишия. Между тем в соответствии с ритмом сверхдлинного стиха, где важно ощущение иерархии обязательных словоразделов [Гаспаров 2001: 114], реальная строфическая единица семистопника — шестистишие с женскими окончаниями в нечетных строках и мужскими — в четных. Пятый стих не имеет рифменной пары (АбАбВб), но она появляется, удваиваясь, во второй строфе (ВгВгДг), затем — в третьей (ДеДеЖе) и т. д. Эта цепная рифмовка, как и горизонтальная — за счет внутренних рифм, помимо конструктивной функции, выполняет функцию семантическую, точнее иконическую. Усиление повтора на фоне растянутой строки как бы овеществляет соединение траков гусеничной ленты и передает движение техники «в походном порядке». Истолкование повторов возможно и в историософском ключе: «Кажется,

именно в таком “змеином” рисунке строфы запрятан этот сюжет циклического, идущего по кругу, времени военной империи, — уроборос, кусающий себя за хвост. И подавление венгерского восстания (между прочим, самое начало т. н. “оттепели”) рифмуется здесь с танками в Праге (официальным ее концом)» [Булкина 2018: 141].

7-ст. анапест — редкий размер, длина которого обусловлена семантикой. Из сверхдлинных анапестов 1960-х годов можно вспомнить «Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам…» И. А. Бродского (1962). Но до семистопника он не дотягивает, сохраняя объем в 5–6 стоп. В шестистопных строках тоже две цезуры, которые делят строку на три равных сегмента («вдоль березовых рощ, отбежавших во тьме, к треугольным домам»). У Бродского длинный анапест передает стремительность движения всадника и связан с жанром баллады[1].

Ритм «Репетиции парада» также вызывает балладные ассоциации. Они отсылают к «Замку Смальгольм» В. А. Жуковского (1822) — переводу баллады В. Скотта «The Eve of St. John» (1799). В этом произведении повествуется о героях-грешниках, наказанных за измену и убийство бессрочными муками совести[2]. Открывает балладу образ сурового барона, покидающего свой замок до рассвета. Облачение героя напоминает грозный вид движущихся вдоль Кремлевской стены войск:

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.
[Жуковский 1902: 61]

В оригинальном тексте экипировка героя еще внушительней:

Yet his plate-jack was braced, and his helmet was laced,
And his vaunt-brace of proof he wore;
At his saddle-gerthe was a good steel sperthe,
Full ten pound weight and more.
[Английская поэзия 1981: 252]

(Но его бронированный жилет был скреплен скобами, и шлем его был стянут шнуром, / И вид его был уверенным и полным бахвальства. / У подпруги его седла был боевой топор из доброй стали / Весом полных десять фунтов и более[3].)

Балладу В. Скотта Жуковский перевел 4–3-ст. анапестом, сохранив характерные для англоязычной поэзии мужские рифмы. Начальное двустишие соответствует строке 7-ст. анапеста в «Репетиции парада» с разницей в клаузулах (мужская у Жуковского, женская у Чухонцева).

[1] Ср.: «Все равно — возвращенье, все равно даже в ритме баллад / есть какой-то разбег, есть какой-то печальный возврат» [Бродский 2001 (1): 211].

[2] О соотношении оригинального и переводного текстов см.: [Реизов 1966].

[3] Благодарю С. Г. Николаева за подстрочный перевод.

О том, что Чухонцев знал этот размер, говорит стихотворение «Батюшков» (1977), написанное на мотив «Замка Смальгольм». Как заметил А. Э. Скворцов, «Чухонцев перенял у Жуковского внутренние рифмы, возникающие в большинстве строф баллады, и рифменные глагольные пары на “-ал” с формами ед. ч. мужск. рода, с одной из которых начинается и “Замок…”, и “Батюшков”» [Скворцов 2015b: 244]:

Как табак доставал, да кальян набивал,
а колечки пускал в потолок.
На атласе курил, по шелку рассыпал
кучерявый со сна хохолок.

То ли птахой сновал, то ли носом клевал
на подушках да пуховиках.
— Как ты, батюшка, спал, где лежал-почивал?
— В облаках, — говорит, — в облаках.
‹…›

[Чухонцев 2005: 160]

Оба стихотворения — «Репетиция парада» и «Батюшков» — содержат пример ритмико-синтаксической формульности. Одна из строк членится цезурой (цезурами) на синтаксические группы с разделительными союзами *то ли — то ли*, указывающими на трудность выбора или выражающими значение взаимоисключения:

То ли сердце стучит, то ли ветер горчит,
то ли в воздухе пахнет войной.
(«Репетиция парада»)

То ли птахой сновал, то ли носом клевал
на подушках да пуховиках.
(«Батюшков»)

С балладой Жуковского «Репетицию парада» роднит атмосфера мрачных предчувствий, дополненная мотивами ночного передвижения, массовых военных жертв, памяти о злодеяниях, возмездия (Страшного суда):

И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал…
[Жуковский 1902: 61]

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням…
[Там же: 62]

Анкрамморская битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась…
[Там же: 61]

«Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт».
[Там же: 63]

«Выкупается кровью пролитая кровь —
То убийце скажи моему…».
[Там же]

То ли сердце стучит, то ли ветер горчит,
то ли в воздухе пахнет войной.
[Чухонцев 2005: 84]

Эка дьявольский труд — все идут и идут
и проходят все дальше и дальше.
[Там же]

Или местью веков и холуй и герой
перемелются в пушечном фарше?
[Там же]

Видит Бог, до сих пор твой имперский позор
у варшавских предместий смердит.
[Там же: 85]

Не на Страшный ли суд все идут и идут
тягачи и орудья в чехлах?
[Там же: 84]

Как видим, экспрессивный тон и мотивика баллады влияют на восприятие стихотворения Чухонцева, формируя его предпонимание[4].

«Репетиция парада» начинается с отсылки к хрестоматийному «ночному» тексту Лермонтова, задающему в русской поэзии «динамическую тему пути» (Р. О. Якобсон). Эта тема, но в другой метрической форме и с иными коннотациями, представлена у Чухонцева:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.
[Лермонтов 1954: 208]

Над Кремлевской стеной сыпал снег слюдяной
и кремнисто мерцал на брусчатке.
По кремнистым торцам грохотали войска,
репетируя скорый парад.
[Чухонцев 2005: 84]

Эпитет *кремнистый* выступает в роли скрепы, связывающей тексты для того, чтобы подчеркнуть их контраст. Звездная тишина лермонтовской ночи взрывается грохотом моторов и лязгом гусениц о кремнистую брусчатку. Это передается нагнетанием звуковых комплексов с резко ощутимым «р»: *к**р**ем-*, *ме**р**-*, *б**р**ус-*, *то**р**-*, *г**р**ох-*, ***р**еп-*, *-ти**р**-*, *ско**р**-*, *па**р**-*. Тяжелая техника («многотонный стальной агрегат») трансформируется в доисторическое чудовище, от шагов которого «ходит» земля. Так технический прогресс, демонстрирующий военную мощь государства, парадоксальным образом отбрасывает его назад — в мезозойскую эру[5].

Лирический субъект называет парад «даровым спектаклем», вероятно, отталкиваясь от выражения Ювенала «хлеба и зрелищ», ставшего крылатым. Масштабы советского военного «спектакля» превосходят европейские, которыми руководит не размах, а расчет. «Наша свобода» — азиатская, что близко по значению понятиям «безграничная», «дикая» и т. д. Не случайно она «рвется с цепей», подобно закованному злодею («Кто играет тобой, современный разбой?») или зверю. Возможно, ею движет страх (это слово дано с прописной буквы), и тогда парад — демонстрация не силы и героизма, а слабости и неуверенности. Впрочем, для истории герой и трус неразличимы: оба «перемелются в пушечном фарше». Другое дело — Страшный суд, который призван отделить праведников от грешников. Но следовать на такой суд во всеоружии абсурдно, если не кощунственно.

Передвижение большого количества войск вызывает у лирического субъекта ассоциацию с воинственными сарматами[6] — кочевым народом, населявшим степные районы современных Украины, России и Казахстана в VI–IV вв. до н. э. Те и другие неотличимы от ночных призраков и следуют «на один полигон». Они обезличены историей, темнотой, массовостью: «Нет ни лиц, ни имен. Где друзья? Где враги?» В этом пространстве теней лирический субъект ощущает себя посторонним («соглядатай ночной»).

---

[4] К «Репетиции парада» и «Замку Смальгольм» близки по тональности и ряду мотивов два других стихотворения Чухонцева, написанных 4-ст. анапестом и датированных 1967 г., — «Повествование о Курбском» и «Superego».

[5] Ср. с уподоблением военной техники древним рептилиям в «Морских маневрах» И. А. Бродского (1967): «Атака птеродактилей на стадо / ихтиозавров. Вниз на супостата / пикирует огнедышащий ящер…» [Бродский 2001 (2): 192].

[6] Этот мотив восходит к характерной для поэзии Серебряного века скифской теме.

С затуханием гула и рокота возрастает значимость тишины («Тишина над Кремлевской стеной. / Тишина-то!.. Такая нашла тишина!..»), а эхо из Замоскворечья вызывает сложный синестетический образ: «То ли сердце стучит, то ли ветер горчит, / то ли в воздухе пахнет войной».

Последняя метафора рождает вопрос: «Что ж, рассудит затвор затянувшийся спор?» «Затянувшийся спор» отсылает к оде А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831), в которой подавление польского восстания 1830–1831 гг. названо «спором славян между собою, / Домашним, старым спором» [Пушкин 1977: 209]. Риторическое восклицание субъекта Чухонцева «Нет, что мне до чужого наречья!» может указывать на повторение имперского сценария, которое поэт предвидел: ввод в ночь на 21 августа 1968 г. войск стран Варшавского договора (прежде всего советских) в Чехословакию и подавление Пражской весны. Стихотворение Чухонцева предшествует этим событиям, а предмет описания в нем, по воспоминаниям автора[7], — ночная репетиция парада к 1 мая 1968 г. Видеть ее поэт мог в одну из холодных весенних ночей. Так, 12 марта минимальная температура в Москве была −7°, количество осадков составляло 6,9 мм, а скорость ветра достигала 5,3 м/с, что равносильно метели. Похожая погода была 10 и 15 марта [Архивы погоды 2007–2017].

Любовь лирического субъекта к родине передается сравнением: «Я люблю свою родину, но только так, / как безрукий слепой инвалид». Это уже не лермонтовское «странное» чувство или печально-игровое признание «…да люблю я, отстань» из цикла Т. Ю. Кибирова «По прочтению альманаха “Россия — Russia”» [Кибиров 2000: 4], а нечто трагически-абсурдное. Это любовь сына к матери-родине, защищая которую, он лишился возможности ее обнять и даже увидеть («безрукий слепой инвалид»). Идеологическая основа тропа — столкновение патриотической темы с антивоенной и антиимперской: «О родная страна, твоя слава темна! / Дай хоть слово сказать человечье». Здесь также слышится отсылка к «Родине» Лермонтова: «слава, купленная кровью». Строкой ниже «темная слава» названа без обиняков — «имперский позор». Речь идет о массовом убийстве поляков («у варшавских предместий смердит») русскими войсками под командованием А. В. Суворова во время штурма 4 ноября 1794 г. Праги — предместья Варшавы на правом берегу Вислы[8]. Другим основанием для «имперского позора», по мнению И. С. Булкиной, могут служить события Варшавского восстания в августе 1944 г., когда советское командование намеренно остановило наступление, позволив немцам расправиться с восставшими [Булкина 2018: 141][9]. (Советские войска овладели Прагой только 14 сентября, когда восстание было в основном подавлено.) Так варшавская Прага отразилась в чешской Праге, а «хромая громада» (эпитет указывает не столько на состояние техники, сколько на «дьявольский труд», вызвавший ее движение) добрела в 1968 г. до пражских Градчан. Отсюда чувство стыда (это слово, как и «Страх», дано с прописной буквы), испытываемое лирическим «я».

[7] Сообщено в телефонном разговоре Ириной Игоревной Поволоцкой, женой О. Г. Чухонцева.

[8] Жестокость русских войск объяснялась уничтожением польскими повстанцами в апреле 1794 г. русских гарнизонов в Варшаве и Вильне, когда погибли (были вырезаны) несколько тысяч человек, в основном русских.

[9] Согласно другой точке зрения, наступление советских войск замедлилось по военным, а не по политическим причинам.

Стыд превращает субъекта речи в изгоя, а его сутулая фигура в метельной ночи, не похожая на других «гуляк», напоминает блоковского «буржуя» или «витию» из поэмы «Двенадцать»[10]. При этом фраза «Век отбился от рук» может отсылать к цитате «Век вывихнул сустав» из шекспировского «Гамлета» (акт I, сц. 5) в переводе Б. Л. Пастернака (первая редакция). Финальный разговор выявляет несовместимость позиций дружелюбного прохожего («— Что насупился, друг? / Все прекрасно, чего еще надо») и погруженного в свои мысли лирического субъекта. Причина его озабоченности экзистенциальна; ее ничем не исправишь и случайному человеку не объяснишь. Отсюда отказ от коммуникации: диалог заканчивается ничем, и собеседники расходятся.

Стихотворение Чухонцева написано полвека назад, когда военный парад в СССР играл важную идеологическую роль. Он был призван укреплять национальное единство, воспитывать патриотизм, жертвенность, поднимать боевой дух и т. п. О параде слагались стихи, сочинялись песни. При этом он не воспринимался большинством советских людей как милитаристское по своей сути действие, как ритуализованная демонстрация силы, вызывающая у соседних народов неприязнь, раздражение, страх. Чухонцев написал «неудобный» гражданский текст, который не мог быть опубликован в стране, проводившей парады два раза в год[11]. Поэт дезавуировал то, что в сознании миллионов считалось незыблемым, почти сакральным — торжественное прохождение войск с военной техникой по Красной площади, вдоль Кремлевской стены и мавзолея Ленина. Это событие, увиденное ночью, Чухонцев воспринял как проявление русской (советской) имперскости, чья главная доблесть — воинская, а главная цель — присоединять. «Вся земля была наша, просто не вся еще к нам вернулась» [Быков 2018: 395].

Такое понимание государства расходится с мнением Д. С. Лихачёва, который полагал, что «авторитет народа и страны, их значение в человеческом мире вовсе не определяется количеством квадратных километров занятой территории и тем более не количеством ядерных ракет. Атавистическая вера в силу может быть, однако, свойственна не только отдельным людям, но и целым народам. Гордость грубой силой именно атавизм, нечто унаследованное нами от тех эпох, когда физическая сила и громадные размеры были нужны, чтобы пользоваться уважением соседей» [Лихачев 2000: 82]. Этот архаический тип патриотизма напоминает признание старшеклассника из письма к Чухонцеву: «Я очень люблю свою родину, особенно ее размеры» [Чухонцев 2007: 177].

Возможно, при дневном свете картина парада выглядела бы иначе. Радостные лица людей прогоняли бы тревожные мысли о близости российского экспансионизма и советского тоталитаризма. Правда, и в этом случае поэт мог уловить милитаристский посыл, подобно Б. Ш. Окуджаве в стихотворении «Перед телевизором» (1983):

---

[10] Ср. с образом лирического «я» в стихотворении «Через двор» (1967), эмоционально и идеологически близкого «Репетиции парада»: «Покуда подлы времена, / я твой поперечник, отчизна. / И все же — прости, если мимо / пройду, приподняв воротник» [Чухонцев 2005: 80].

[11] Его публикация стала возможной в новых политических условиях, после отмены цензуры: сначала в периодике [Чухонцев 1989a: 48], затем в сборнике стихов [Чухонцев 1989b: 12–13].

Слишком много всяких танков, всяких пушек и солдат.
И военные оркестры слишком яростно гремят,
и седые генералы, хоть и сами пули льют, —
но за скорые победы с наслажденьем водку пьют.
Я один. А их так много, и они горды собой,
и военные оркестры заглушают голос мой.
[Окуджава 2001: 572]

Между тем ночная версия парада вызывает у лирического «я» экзистенциальное беспокойство. В этом сказалось торжество массы над индивидуальностью, государства над личностью, техники над человеком[12]. И эту тенденцию на излете «оттепели» Чухонцев передал с большой художественной силой, создав один из ярких образцов гражданской лирики.

## Литература

Английская поэзия 1981 — Английская поэзия в русских переводах XIV–XIX вв.: Сб. / Сост. М. П. Алексеева и др.; Послесл. М. П. Алексеева; Коммент. В. В. Захарова. М.: Прогресс, 1981.

Архивы погоды 2007–2017 — Архивы погоды по городам России. Московская область. Москва. URL: http://www.atlas-yakutia.ru/weather/archive_weather_276120.php.

Бродский 2001 — Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. / Общ. ред. Я. А. Гордина. СПб.: Пушкинский фонд, 2001.

Булкина 2018 — *Булкина И.* «Время стихов» и поэт на фоне времени // Знамя. 2018. № 8. С. 138–142.

Быков 2018 — *Быков Д.* Июнь: роман. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2018.

Гаспаров 2001 — *Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX века в комментариях: Учеб. пособие для студентов, бакалавров и магистрантов филол. специальностей ун-тов. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2001.

Жуковский 1902 — Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. / Под ред., с биограф. очерком и прим. проф. А. С. Архангельского. Т. 3. СПб.: А. Ф. Маркс, 1902.

Кибиров 2000 — *Кибиров Т.* Нищая нежность // Знамя. 2000. № 10. С. 3–6.

Лейдерман 2006 — *Лейдерман Н. Л.* Современная русская литература: 1950–1990 годы: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032900 — Рус. яз. и лит.: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: 1968–1990. М.: Академия, 2006.

Лермонтов 1954 — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: В 6 т. / Ред. Н. Ф. Бельчиков и др. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Лихачев 2000 — *Лихачев Д. С.* Мысли о России // Лихачёв Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 81–89.

Окуджава 2001 — *Окуджава Б.* Стихотворения / Сост. и подгот. текста В. Н. Сажина, Д. В. Сажина; Вступ. ст. Л. С. Дубшана, В. Н. Сажина; Прим. В. Н. Сажина. СПб.: Академ. проект, 2001.

[12] Мой знакомый вспоминал: «В ноябре 1987 г. я стоял ночью на улице Горького и дрожал вместе с прохожими, мостовой, домами от проезжающей мимо всей этой уродливой техники. Ехали молча, причем почему-то на большой скорости. Впечатление это действо произвело жуткое и отвратительное. Тут не захочешь, а содрогнешься от слепой имперскости позднего периода» (из личной переписки, 2018 г.).

Пушкин 1977 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. / Прим. проф. Б. В. Томашевского. 4-е изд. Т. 3. Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1977.

Реизов 1966 — *Реизов Б. Г.* В. А. Жуковский, переводчик Вальтера Скотта («Иванов вечер») // Русско-европейские литературные связи: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева / Ред. кол.: П. Н. Берков и др. М.; Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1966. С. 439–445.

Роднянская 1998 — *Роднянская И.* Опыт словарной статьи об Олеге Чухонцеве // Литературная учеба. 1998. № 2. С. 11–24.

Скворцов 2015a — *Скворцов А.* Апология сумасшедшего Кыё-Кыё. *«Кыё! Кыё!..» (2001)* // Скворцов А. Поэтическая генеалогия: Исследования, статьи, заметки, эссе и критика. М.: ОГИ, 2015. С. 296–315.

Скворцов 2015b — *Скворцов А.* Биография как баллада? *«Батюшков» (1977)* // Скворцов А. Поэтическая генеалогия: Исследования, статьи, заметки, эссе и критика. М.: ОГИ, 2015. С. 243–248.

Чухонцев 1989a — *Чухонцев О.* Общие стены // Дружба народов. 1989. № 1. С. 47–51.

Чухонцев 1989b — *Чухонцев О.* Ветром и пеплом: Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1989.

Чухонцев 2005 — *Чухонцев О.* Из сих пределов: Стихотворения. М.: ОГИ, 2005.

Чухонцев 2007 — *Чухонцев О.* Речь при вручении премии 24 мая 2007 года // Знамя. 2007. № 8. С. 177–179.

Шубинский 2004 — *Шубинский В.* Олег Чухонцев. Фифиа: [Рец.] // Критическая масса. 2004. № 1. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/km/2004/1/shub48.html.

## References

Alekseev, M. P. et al. (Compl.), Alekseev, M. P. (Afterword), V. V. Zakharov (Commentarie) (1981). *Angliiskaia poeziia v russkikh perevodakh XIV–XIX vv.* [English verse in Russian translation, 14th–19th centuries]. Moscow: Progress. (In Russian).

*Arkhivy pogody po gorodam Rossii. Moskovskaia oblast'. Moskva* [Weather archives for the cities of Russia. Moscow Region. Moscow]. Retrieved from http://www.atlas-yakutia.ru/weather/archive_weather_276120.php. (In Russian).

[Brodsky, J.] (2001). *Sochineniia Iosifa Brodskogo* [Works of Joseph Brodsky] (7 Vols.). Ia. A. Gordin (Ed.). St. Petersburg: Pushkinskii fond. (In Russian).

Bulkina, I. (2018). "Vremia stikhov" i poet na fone vremeni ["Time of poetry" and a poet against the background of his time]. *Znamia* [Banner]*, 2018*(8), 138–142. (In Russian).

Bykov, D. (2018). *Iiun': roman* [June: A novel]. Moscow: AST; Redaktsiia Eleny Shubinoi. (In Russian).

Chukhontsev, O. (1989a). Obshchie steny [Common walls]. *Druzhba narodov* [Peoples' Friendship]*, 1989*(1), 47–51. (In Russian).

Chukhontsev, O. (1989b). *Vetrom i peplom: Stikhotvoreniia i poemy* [By wind and ash: Short and longer poems]. Moscow: Sovremennik. (In Russian).

Chukhontsev, O. (2005). *Iz sikh predelov: Stikhotvoreniia* [Out of these limits: Poems]. Moscow: OGI. (In Russian).

Chukhontsev, O. (2007). Rech' pri vruchenii premii 24 maia 2007 goda [Award acceptance speech. May 24, 2007]. *Znamia* [Banner]*, 2007*(8), 177–179. (In Russian).

Gasparov, M. L. (2001). *Russkii stikh nachala XX veka v kommentariiakh: Uchebnoe posobie dlia studentov, bakalavrov i magistrantov filologicheskikh spetsial'nostei universitetov* [Early 20th century Russian verse in commentaries: A manual for students, B. A. and M. A. students in philological specialties at universities]. 2nd ed., enl. Moscow: Fortuna Limited. (In Russian).

Kibirov, T. (2000). Nishchaia nezhnost' [Poverty-stricken tenderness]. *Znamia* [Banner] *2000*(10), 3–6. (In Russian).

Leiderman, N. L. (2006). *Sovremennaia russkaia literatura: 1950–1990 gody: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov, obuchaiushchikhsia po spetsial'nosti 032900 — Russkii iazyk i literatura* [Modern Russian literature: 1950s–1990s: A manual for university students majoring in 032900 — Russian language and literature] (2 Vols.), 2nd ed., rev. and enl. (Vol. 2). Moscow: Akademiia. (In Russian).

Lermontov, M. Iu. (1954). *Sochineniia* [Works] (6 Vols.). N. F. Bel'chikov et al. (Eds.) (Vol. 2). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).

Likhachev, D. S. (2000). Mysli o Rossii [Thoughts about Russia]. In D. S. Likhachev. *Russkaia kul'tura* [Russian culture], 81–89. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Okudzhava, B. (2001). *Stikhotvoreniia* [Poems]. V. N. Sazhin, D. V. Sazhin (Compl., Prepar. of the Text), L. S. Dubshan, V. N. Sazhin (Intro.), V. N. Sazhin (Commentaries). St. Petersburg: Akademicheskii proekt. (In Russian).

Pushkin, A. S. (1977). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] (10 Vols.) (Vol. 3). B. V. Tomashevskii (Commentaries). 4th ed. Leningrad: Nauka; Leningradskoe otdelenie. (In Russian).

Reizov, B. G. (1966). V. A. Zhukovskii, perevodchik Val'tera Skotta ("Ivanov vecher") [V. A. Zhukovsky, translator of Walter Scott ("The Eve of St. John")]. In P. N. Berkov et al. (Eds.). *Russko-evropeiskie literaturnye sviazi: Sbornik statei k 70-letiiu so dnia rozhdeniia akad. M. P. Alekseeva* [Russian-European literary relations: Collection of articles dedicated to the 70th Anniversary of Acad. M. P. Alekseev], 439–445. Moscow; Leningrad: Nauka; Leningradskoe otdelenie. (In Russian).

Rodnianskaia, I. (1998). Opyt slovarnoi stat'i ob Olege Chukhontseve [A trial dictionary entry on Oleg Chukhontsev]. *Literaturnaia ucheba* [Literary Studies]*, 1998*(2), 11–24. (In Russian).

Shubinskii, V. (2004). Oleg Chukhontsev. Fifia [Oleg Chukhontsev. Fifia]: [Book review]. *Kriticheskaia massa* [Critical Mass]*, 2004*(1). Retrieved from http://magazines.russ.ru/km/2004/1/shub48.html. (In Russian).

Skvortsov, A. (2015a). Apologiia sumasshedshego Kye-Kye. *"Kye! Kye!.." (2001)* [A madman's apology. "Kye! Kye!.." (2001)]. In A. Skvortsov. *Poeticheskaia genealogiia: Issledovaniia, stat'i, zametki, esse i kritika* [Poetic genealogy: Research, articles, notes, essays, and criticism], 296–315. Moscow: OGI. (In Russian).

Skvortsov, A. (2015b). Biografiia kak ballada? "Batiushkov" (1977) [Biography as a ballad? *"Batiushkov" (1977)*]. In A. Skvortsov. *Poeticheskaia genealogiia: Issledovaniia, stat'i, zametki, esse i kritika* [Poetic genealogy: Research, articles, notes, essays, and criticism], 243–248. Moscow: OGI. (In Russian).

[Zhukovsky, V. A.] (1902). *Polnoe sobranie sochinenii V. A. Zhukovskogo* [Complete works of V. A. Zhukovsky] (12 Vols.). A. S. Arkhangel'skii (Ed., Biogr., Commentaries) (Vol. 3). St. Petersburg: A. F. Marks. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

**Александр Геннадьевич Степанов**
*кандидат филологических наук*
*доцент, кафедра истории*
*и теории литературы,*
*Тверской государственный университет*
*Россия, 170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33*
*Тел.: +7 (4822) 34-74-85*
*преподаватель,*
*факультет русского языка,*
*Институт иностранных языков*
*и литератур, Ланьчжоуский*
*университет*
*Китай, 730000, Ланьчжоу,*
*ул. Тяньшуйнаньлу, д. 222*
*Тел.: +36 (931) 8912270*
✉ *poetics@yandex.ru*

Information about the author

**Alexander G. Stepanov**
*Cand. Sci. (Philology)*
*Associate Professor, Department of History*
*and Theory of Literature,*
*Tver State University*
*Russia, 170100, Tver, Zhelyabova Str., 33*
*Tel.: +7 (4822) 34-74-85*
*Lecturer,*
*Department of Russian Language,*
*School of Foreign Languages and Literatures,*
*Lanzhou University*
*China, 730000, Lanzhou, South Tianshui*
*Road, 222*
*Tel.: +36 (931) 8912270*
✉ *poetics@yandex.ru*